

Татищев Сергей Спиридонович

Из прошлого русской дипломатии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Спиридонович Т.**
Из прошлого русской дипломатии / Татищев Сергей Спиридонович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 583 с.

ISBN 978-5-519-76362-2

ISBN 978-5-519-76362-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПАМЯТИ

МИХАИЛА НИКИФОРОВИЧА

КАТКОВА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Русскіе подданные имѣютъ нѣчто болѣе
„чѣмъ права политическія, они имѣютъ поли-
„тическія обязанности. Каждый изъ русскихъ
„подданныхъ обязанъ стоять на стражѣ правъ
„Верховной Власти и заботиться о пользахъ
„государства. Каждый не то что имѣетъ только
„право принимать участіе въ государственной
„жизни и заботиться о ея пользахъ, но при-
„зывается въ тому долгомъ вѣрноподданнаго.
„Вотъ наша конституція. Она вся безъ пара-
„графовъ содержится въ краткой формулѣ на-
„шей государственной присяги на вѣрность“.

Катковъ.

Сложившіяся вѣками, въ силу историческихъ условій, отношенія русскихъ людей къ государю и государству—одно изъ своеобразнѣйшихъ явленій столь богатой своеобразіемъ государственной жизни нашего отечества. Они не вмѣщаются въ узкую рѣмку правового опредѣленія и сущность ихъ всего яснѣе выражается народнымъ взглядомъ на Царя-батюшку и на матушку-Россію. Мы не ошибемся, назвавъ ихъ семейными, сыновними, тѣми же отношеніями, что связываютъ дѣтей съ родными матерью и отцомъ.

Какъ не бываетъ договора между главою семьи и ея членами, такъ нѣтъ его и быть не можетъ между русскимъ государемъ и вѣрными его сынами—подданными. Самодержавная власть—власть отеческая, но потому-то она и допускаетъ для подданныхъ долю свободы въ обла-

сти мысли и слова несравненно бѣльшую, чѣмъ та, что гарантируется параграфами любой изъ западно-европейскихъ конституцій. Примѣрами подобнаго рода изобилуетъ наша исторія, свидѣтельствующая, что даже такіе Самодержцы какъ Іоаннъ Грозный и Петръ Великій выслушивали внимательно и благосклонно противорѣчивыя ихъ мнѣніямъ по государственнымъ дѣламъ представленія попа Сильвестра и князя Якова Долгорукова, высказываемыя порою съ поразительными настойчивостью и смѣлостью.

Впрочемъ, до конца XVIII вѣка русскіе люди, изъ находящихся не у дѣлъ, рѣдко имѣли случай излагать предъ верховною властью взгляды свои на внѣшнія отношенія государства. Зависѣло это отъ того, что отъ Іоанна III и до Великой Екатерины политика русскихъ царей слѣдовала неуклонно историческимъ и національнымъ путемъ и исполнителями ихъ предначертаній являлись государственные дѣятели, русскіе плотью и духомъ, взрожденные въ отечественныхъ вѣрованіяхъ, преданіяхъ, завѣтахъ. Положеніе измѣнилось въ самомъ началѣ XIX столѣтія, когда, послѣ нѣсколькихъ колебаній, наше дипломатическое вѣдомство перешло въ руки людей иного закала, инородцевъ по происхожденію, иновѣрцевъ по исповѣданію, скоро обратившихъ русскую дипломатію въ нѣчто обособленное, чуждое, лишенное всякой живой и органической связи съ животворящими источниками государственной и общественной жизни Россіи.

Такой оборотъ въ нашей внѣшней политикѣ навлекъ на Россію тяжкія испытанія. Послѣдствіями его были гроза двѣнадцатаго года и Севастопольскій разгромъ. Въ эти годы всенароднаго возбужденія впервые раздался независимый голосъ русскихъ писателей-патріотовъ, почтительно, но твердо возвысившихъ его предъ Престоломъ для обличенія превратнаго и пагубнаго теченія, по которому увлекала русскій государственный корабль

инородная и иновѣрная дипломатія, въ защиту покинутыхъ ею историческихъ идеаловъ русскаго народа. Наканунѣ Отечественной войны, Карамзинъ въ Запискѣ о Древней и Новой Россіи, изрекъ строгое осужденіе „совѣтникамъ трона“, которые, „видя бѣду, думали единственно о пользѣ личнаго самолюбія, оправдывались, чтобы винить Монарха“. Въ самый разгаръ Восточной войны 1853—56 годовъ Погодинъ, въ рядѣ историко-политическихъ писемъ, произведшихъ въ рукописи сильное впечатлѣніе на современное общество и обратившихъ на себя вниманіе императора Николая, подвергнувъ тщательному критическому анализу начала, положенныя въ основаніе внѣшней политики русскаго двора за время управленія графа Нессельроде и доказавъ ихъ несостоятельность, обнаруживъ тѣсную причинную связь между ними и порожденными ими событіями, которыя совершенно неожиданно для дипломатіи поставили одинокую Россію лицомъ къ лицу съ грозною обще-европейскою коалиціею.

Въ царствованіе императора Александра II, освобожденіемъ отъ предварительной цензуры, создалась повременная русская печать и на первыхъ же порахъ убѣдила, что предоставленная ей закономъ свобода гласнаго обсужденія внѣшнихъ государственныхъ дѣлъ обращается на несомнѣнную пользу государства. Въ единодушій ея русская дипломатія нашла въ 1863 году нечаянную но могучую опору для побѣдоноснаго отраженія дерзкихъ притязаній трехъ великихъ державъ на вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла.

Съ этимъ великимъ патріотическимъ подвигомъ неразрывно связано имя Каткова. Всею послѣдующею своею дѣятельностью онъ неопровержимо доказалъ, „что печать въ Россіи, и быть можетъ только въ Россіи, находится въ условіяхъ, позволяющихъ ей достигать чистой независимости“. Основную мысль эту онъ развилъ всего за полгода до смерти въ замѣчательной статьѣ, ко-

нечный выводъ которой приведенъ мною въ эпиграфѣ и которая можетъ считаться его политическимъ завѣщаніемъ¹⁾).

Тогда какъ въ конституціонныхъ государствахъ Запада—поучаль Михаилъ Никифоровичъ—печать служить орудіемъ для политическихъ партій, борющихся изъ-за власти и постоянно стремящихся къ ней, въ Россіи, гдѣ такихъ партій нѣтъ, она является выраженіемъ совѣсти, свободной отъ власти. Тамъ печать ищетъ запутать, затемнить дѣло въ частныхъ интересахъ той или другой партіи; здѣсь она заботится о томъ, чтобы раскрыть и разъяснить его въ общемъ интересѣ отечества. Конечно, въ Россіи печать зависитъ отъ правительства, на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за ея направлениемъ, но не менѣе и не болѣе, какъ и наблюденіе за порядкомъ и благочиніемъ на публичныхъ путяхъ или огражденіе общественной безопасности. „Что не противно законамъ и учрежденіямъ страны, что не оскорбляетъ общественной нравственности, что не служитъ орудіемъ обмана и насилія“ — повторяю я собственными словами вѣщаго учителя, — „то имѣетъ право высказываться и высказывается съ совершенною независимостью“.

Глубоко возмущало Каткова утвержденіе его ожесточенныхъ противниковъ въ Россіи и въ особенности за границей, что-де правительство обнаруживаетъ непростительную слабость, допуская выраженіе въ печати мнѣній по внѣшней политикѣ, несогласныхъ съ образомъ мыслей и направлениемъ лицъ, находящихся во власти или почему либо имъ неугодныхъ. Притязаніе это онъ объяснялъ полнымъ непониманіемъ сущности русскихъ государственныхъ отношеній. „Въ государствѣ какъ Россія“—восклидалъ онъ съ негодованіемъ—„сохранившемъ непоколебимую, безспорную и священную власть, лица, облеченныя ея полномочіями, менѣе чѣмъ гдѣ

¹⁾ „Московскія Вѣдомости“ 9 декабря 1886 года.

либо въ правѣ насиловать законную свободу и прибѣгать ко лжи и обману, которые служатъ обычнымъ средствомъ правительствъ въ странахъ, такъ называемыхъ, конституціонныхъ. Если что либо подобное у насъ бываетъ—то это не правило, на которое наши заграничные друзья могли бы ссылаться, а нарушеніе правила, роняющее достоинство власти“.

Михаилъ Никифоровичъ вполне основательно находилъ, что только правительству, потерявшему смыслъ, могло бы придти въ голову отнимать у людей право исполнять то, что велитъ имъ долгъ присяги, но пользованіе этимъ правомъ самъ онъ признавалъ за русскою печатью лишь подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: чтобы она, являясь какъ новый, особый, требуемый временемъ способъ исполненія всеобщей обязанности радѣть о пользахъ Престола и Отечества, *ни въ чемъ ихъ не раздѣляя*,—держалась на твердой почвѣ и не терялась въ бесплодныхъ и опасныхъ отвлеченностяхъ. „Другого смысла“—заключалъ онъ,—„узаконенная въ Россіи политическая печать, обнимающая въ своемъ кругозорѣ всѣ вопросы государственной жизни, имѣть не можетъ. Всякій, кто за это дѣло въ Россіи серіозно берется, долженъ сугубо принять на свою совѣсть долгъ русскаго подданнаго. Для него исполненіе этого долга по совѣсти перестаетъ быть случайностью и становится призваніемъ. Онъ долженъ быть готовъ не только давать отпоръ злу, когда оно само представится, но и выслѣживать его, гдѣ бы оно ни гнѣздилося и какую бы личину ни принимало. Его долгъ—доискиваться правды во всемъ и раскрывать ее, не смущаясь ни предъ чѣмъ, не допуская никакого лицепріятія, не вступая ни въ какіе торги съ совѣстью, не давая сбить себя никакимъ прельщеніямъ съ одной стороны, никакимъ вынужденіямъ съ другой“.

Съ первыхъ шаговъ моихъ въ печати я имѣлъ честь быть принятымъ въ число ближайшихъ сотрудниковъ

М. Н. Каткова, въ изданіяхъ котораго появились началь-
ные опыты мои по отечественной исторіи и политикѣ.

Всею силою разума и чувства усвоилъ я совокуп-
ность завѣтовъ этого мужественнаго и самоотверженнаго
борца за русскую правду, положившаго за нее душу
свою, и нынѣ исполняю священный долгъ признатель-
ности, посвящая незабвенной его памяти настоящую
книгу.

Она, по краснорѣчивому его выраженію, „не есть
путь власти или ко власти, а путь службы, по совѣсти“.

Татищевъ.

С.-Петербургъ,
1 (13) февраля
1890 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе.	СТР. III
----------------------	-------------

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Историческія изслѣдованія.

Русская дипломатія старая и новая	3
Европа наканунѣ Восточной войны 1853—56 годовъ	73
Князь Адамъ Чарторыйскій	155
I. Дѣтство и воспитаніе	159
II. Отъѣздъ въ Россію	164
III. При дворѣ Екатерины	170
IV. Сближеніе съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ	189
V. Въ царствованіе императора Павла	202
VI. Посольство въ Италію	220
VII. Воцареніе императора Александра I	235
VIII. „Комитетъ общественнаго спасенія“	250
IX. Сенатъ и министерства	262
X. Внѣшняя политика въ первый годъ царствованія Александра I	277
XI. Внѣшнія дѣла въ управленіе графа Кочубея	295
XII. Государственный канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ	307
XIII. Князь Чарторыйскій во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и его политическая система	324
Россія и Болгарія. Историческая справка	343
I. Историческое призваніе Россіи на Востокъ. — Утрата русскаго вліянія въ освобожденныхъ Россією странахъ. — Изслѣдованіе причинъ этого явленія. — Задачи русской исторической науки и политической печати	345
II. Цѣль русско-турецкой войны 1877—78 годовъ. — Бескорыстіе какъ основное начало политики русскаго двора. — Примѣненіе его къ освобожденію восточныхъ христіанъ. — Санъ-Стефанскій мирный договоръ. — Возраженія Англіи. — Оправданіе князя	

	Горчакова. — Взглядъ русскаго двора на будущее положеніе Болгаріи	стр. 349
III.	Берлинскій конгрессъ. — Русское безкорыстіе въ борьбѣ со своекорыстіемъ прочихъ великихъ державъ. — Предупредительная уступчивость русскихъ уполномоченныхъ на конгрессѣ. — Отреченіе Россіи отъ всякихъ преимуществъ въ Болгаріи. — Вѣра русской дипломатіи въ европейскій концертъ. — Поведеніе князя Бисмарка	353
IV.	Программа восточной политики русскаго двора. — Упорство дипломатіи въ своихъ заблужденіяхъ. — Воздѣйствіе русской арміи на государственное устройство болгарскаго княжества. — Антагонизмъ между русскими дѣятелями военными и дипломатическими	361
V.	Князь Александръ Баттенбергскій и отношенія его къ болгарскимъ политическимъ партіямъ. — Русскіе дипломатическіе агенты въ Софіи: Давидовъ и Кумани. — Государственный переворотъ 27 апрѣля 1881 года	365
VI.	Тырновская конституція. — Русская дипломатія поддерживаетъ князя Александра. — Назначеніе агентомъ въ Софію г. Хитрово. — Несогласіе его съ княземъ	371
VII.	Русское министерство въ Болгаріи: генералы Соболевъ и баронъ Александръ Каульбарсъ. — Разладъ ихъ съ княземъ и болгарскими консерваторами — Политическая программа генерала Соболева	377
VIII.	Князь Александръ на коронаціи въ Москвѣ. — Отправленіе г. Ионина въ Болгарію съ чрезвычайнымъ порученіемъ. — Паденіе русскаго министерства. — Востановленіе тырновской конституціи. — Русское дѣло въ Болгаріи въ рукахъ дипломатіи.	384
IX.	Враждебныя Россіи выходки князя Александра. — Конвенція, опредѣляющая положеніе русскихъ офицеровъ въ болгарской арміи. — Назначеніе дипломатическимъ агентомъ г. Кояндера и болгарскимъ военнымъ министромъ князя Кантабузина. — Внутреннее положеніе Болгаріи. — Образъ дѣйствій русскихъ дипломатовъ	390
X.	Восточная Румелія. — Дѣятельность князя Цертелева. — Упадокъ русскаго вліянія при его преемникахъ. — Соединительное движеніе.	399
XI.	Вопросъ о единствѣ Болгаріи. — Румелійскій переворотъ	406
XII.	Соединеніе обѣихъ Болгарій. — Отозваніе русскихъ военно-служащихъ. — Переговоры г. Кояндера съ княземъ и членами народнаго собранія. — Высочайшая телеграмма изъ Фреденсборга	412
XIII.	Разрывъ русскаго двора съ княземъ Александромъ. — Совѣщанія пословъ великихъ державъ въ Константинополѣ. — Созывъ конференціи. — Предложеніе русскаго уполномоченнаго. — Протестъ Англіи	421
XIV.	Сербо-болгарская война. — Вмѣшательство Австріи. — Дипломатическіе переговоры объ условіяхъ мира. — Бухарестскій мирный договоръ	430